

Вырезка из газеты

СЕЛЬСКАЯ ГАЗЕТА

12 МАЯ 1978

г. Минск

ВСЕ СЛУЧИЛОСЬ, как в кино: заболела певица и спеть партию главной героини в опере предложили ей, студентке четвертого курса консерватории.

— Спектакль через два дня. Споете?

— С удовольствием! — радостно выпалила Наташа, но, положив трубку на рычаг, долго не могла унять внезапную дрожь в руках. «Что это я наделала... Партию учила год назад, никогда не беда с оркестром, не стояла на взавправданней сцене...» Но отказаться было выше сил.

И вот первая в ее жизни ария в театре. На удивление себе, спела ее легко, под аплодисменты убежала за кулисы и тут вдруг каждой клеточкой ощутила, что значат слова — вратиться на сцену: от желания скорей очутиться на освещенных подмостках Наташа нетерпеливо пританцовывала на месте, как спортсмен на старте.

Сразу же после первого спектакля ей предложили петь в Свердловском театре оперы и балета.

Этот неожиданный успех достался не баловню судьбы. Он лишь внешне выглядел счастливой случайностью. Путь Натальи Гайды на сцену был извилистым, или, как говорили в старину, тернистым. Два года подряд, окончив десятилетку, она сдавала экзамены в Московскую консерваторию, но не проходила по конкурсу. Потом работа на заводе в Свердловске, юридический институт, самостоятельность. Не оставив юридического института, Наталья поступила на вечернее отделение консерватории. Получила диплом юриста и, уже работая юрисконсультом, заканчивала консерваторию, когда раздался тот самый телефонный звонок.

Пять лет Наталья Гайда пела в опере. Была счастлива, когда приходилось много петь, и впадала в уныние, когда родил мало. Так случилось после их переезда с мужем в Минск. К счастью, длился этот период недолго: актрисе предложили петь в Белорусской оперетте. Наталья Викторовна согласилась сходу, не раздумывая, совсем как тогда, студенткой, на предложение петь в опере.

— Не жалеете, что предпочли оперу легкому жанру?

— Что вы — я счастлива! И даже жалею, что это не случилось раньше. В опере я, например, не могла бы воплотить сильный, трагедийный характер. Эти партии написаны для драматического сопрана, а у меня лирическое. Оперетта же привлекала меня доступностью любой роли. И еще танцами — я с удовольствием танцую! Для меня хуже нет, если из либретто вымарывают танец... Словом, в оперетте я люблю и петь, и танцевать. А ведь было время, когда опереточные геро-

любью многочисленных зрителей, чтобы оскорбляться при словах «легкий жанр». Да, легкий! Легкий в восприятии зрителя. На сцене мы должны изящно, красиво, озорно, легко делать то, что заложено в спектакле, решать по законам проблем жанра и социальные проблемы, и проблемы нашего бытия: выставлять на осмеяние лесть, ханжество, лицемерие, воспевать благородство, дружбу, любовь. Надо ли повторять, что за легкостью, которую видит зритель, немало ак-

ра, высказывать ли свои пожелания. В этой стадии мое участие было весьма пассивным, я слушала да кивала головой. Но сама тем временем усиленно учила белорусский язык, чтобы спеть Павлинку на ее родном языке, читала и перечитывала Анатолий Морозов, посмотрела замечательный спектакль в драматическом театре. И никак не могла представить, как это будет выглядеть в оперетте. Но тут наш главный художник Анатолий Морозов показал свои эскизы к «Павлинке». Это

в оперетте сразу же проясняется «Песней мужика», и становится ясно, кто такой Яким Сорока, откуда у него листовки и почему его арестовывают. Серьезная идея, а решается она по законам оперетты, и потому спектакль получился жизнерадостным...

Мы беседуем с Натальей Викторовной у нее дома. Разговор идет неторопливо, отвечаясь, возвращаясь к началу и снова убегая в сторону — об искусстве, о жизни. Потому что нет той черты, которая отделяет нашу работу, наше дело от дома, от житейских наклонностей и забот, от наших жизненных принципов. Все взаимосвязано, переплетено, влияет одно на другое. То и дело возвращались мы с Натальей Викторовной к разговору о характере актера, о том, как его личность, его отношение к людям проявляются на сцене, в его творчестве.

— Расположение людей друг к другу, — говорит Наталья Викторовна, — необходимо и в повседневной жизни, а в творчестве тем более. По себе знаю: возникнет недоразумение, произойдет неприятный разговор, и я не могу с этим работать, иду на сцену. Но вот что-то выяснилось, сказано доброе слово — и я уже лечу, как на крыльях. Это я к тому, что все люди должны быть немножко актерами, то есть лепить свой образ, лепить в себе человека приветливого, умеющего ладить с другими — в своей семье, в коллективе, со случайными знакомыми. Разумеется, есть вещи, мимо которых нельзя проходить равнодушно. В таких случаях я себя не останавливаю рассуждением, что, мол, бесполезно вмешиваться. Не люблю, когда на совести остается невмешательство. И еще не люблю одиночества. Это большое творческое счастье — общаться в коллективе с людьми талантливыми.

И Наталья Викторовна долго еще рассказывает о Белорусском театре оперетты, о проблемах и надеждах молодого коллектива...

● КЛУБ ЗАОЧНЫХ ВСТРЕЧ

Наталья ГАЙДА, заслуженная артистка БССР:

«О ПЕРЕТТА — ЛЕГКИЙ ЖАНР!»

ини делилась на два амплуа. Каскадные актрисы пели веселые куплетки и танцевали. А классические героини исполняли красивые арии и изящно двигались по сцене. Я рада, что сейчас эти грани стираются. Да и не подошла бы я с точки зрения старых канонов на роль классической героини: нос курносый, повадки девчачьи...

— Как вы относитесь к разговорам о том, что не следует оперетту называть легким жанром, дескать, это ее принцип?

— ...И чтобы не принимать ее, слово «легкий» стало модным брат в кавычки. А на мой взгляд, тут нет повода для обиды. Оперетта достаточно сильна своими традициями и

терских трудов — поиск характера героя, музыкального и внешнего рисунка роли. Я, например, хожу в балетный класс, тренируюсь сама. Это помимо обязательных репетиций и уроков танца к каждому спектаклю. Только труд — упорный и тяжелый — оборачивается на сцене легкостью и озорством.

— Расскажите о сотрудничестве с композитором Юрием Семёнойкой, о том, как создавался опереточный вариант «Павлинка»?

— Ой, тут все было для меня открытием! Начать с того, что впервые в моей жизни композитор писал музыку «на меня». Я к этому не привыкла, не представляла, как обсуждать с ним музыкальные номе-

было так празднично, ярко, солнечно, столько было в этом оформлении и народного юмора, и особой белорусской приветливости, что играть захотелось также сочно, броско, задорно! К тому же наш спектакль обрамлен ярмаркой, ею начинается и ею кончается. В этом разноцветном, шумливом, веселом ярмарочном кольце идет сюжет. И вот что любопытно: если драматический театр предлагает в своем спектакле благополучную концовку — Павлинка выходит замуж за любимого, Якима Сороку, то в оперетте конец несчастливый — Якима арестовывают. Представляете, оперетта — и вдруг несчастливый конец? Более того: то, что Янка Купала не смог сказать из-за цензу-